

ИОГАНН ЗЕЛЬЦЕР

Погиб 23 сентября 1941 г.

АВТОБИОГРАФИЯ *

Родился в 1905 г., 25 февраля, в г. Одессе. Отец мой рабочий, мать была белошвейкой, а потом домашней хозяйкой. Отец умер в 1937 г. пенсионером, а мать в 1939 г.

Я впервые стал работать в 1918 г. или 1919, весной, в Губвоензаге в качестве курьера — до тех пор, пока не пришли белые.

С весны 1920 г. или 1921 г. я поступил работать на мельницу быв. Анатра, затем при напе стали сокращать, и я уехал к сестре в Волинскую губ., местечко Котельня.

Проработал я до 1924 г. на Андрушевском, Шепетовском сахарных заводах в качестве рабочего-вестонщика и в Андрушевском райисполкоме.

С весны 1924 г. я вернулся обратно в Одессу и поступил на сахарный завод им. Благоева. Здесь я проработал вплоть до мобилизации, т. е. августа 1927 г., в качестве рабочего-вестонщика, подручного слесаря и зам. зав. материальными складами завода.

С 1927 по весну 1928 г. я проучился в Машинной школе Балтфлота, окончил ее со званием машиниста-турбиниста и был списан на крейсер «Профинтерн» в качестве ученика турбиниста. Проплавав кампанию 1928 г. на крейсере, я был списан обратно в Машинную школу для учения на старшину.

Но весной 1929 г. меня перевели в редакцию газеты «КБФ», где я и прослужил в качестве военного журналиста вплоть до демобилизации, т. е. до осени 1931 г.

С 1931 г. я перешел на литературный труд, хотя продолжал работать. Работал во Всероскомдраме, в Госиздате в качестве зам. редактора журнала «Залп».

С 1934 г. я занимаюсь только литературным трудом и нигде не служу.

Мной написаны сценарии следующих картин: «Совершеннолетие», «Искатель счастья», «Дочь родины», «Моряки»; пьесы: «Декада», «Естественная история», «Последний бал», «Когда цветет сирень» и т. д. Кроме того, два сборника рассказов.

ЦИК и СНК БССР за активную работу в Белорусской кинематографии наградили меня почетной грамотой и именными часами с подписью.

И. Зельцер

ЦВМА, инв. № 35182, л. 17.

В первые месяцы Великой Отечественной войны старший политрук Иоганн Моисеевич Зельцер служил на линкоре «Марат» в качестве редактора газеты «Маратовец». Погиб на линкоре во время налета вражеской авиации 23 сентября 1941 г.

* Публикация Ш. Я. Билевич.

И. М. ЗЕЛЬЦЕР

Фотография, 1940—1941 гг.

Собрание К. М. Кац-Зельцер,
Ленинград

ПИСЬМА К ЖЕНЕ — К. М. КАЦ-ЗЕЛЬЦЕР

1

28.VIII.41 г.

Дорогая Кларочка, дорогие мои детки!

Открытку твою получил, где ты пишешь, что получила деньги. У нас всё по-прежнему. Ты, вероятно, из газет знаешь что т.т. Ворошилов, Жданов обратились с воззванием к населению Ленинграда¹. Настроение у всех здесь боевое, и наш родной город мы не отдадим на поругание фашистским убийцам.

Но в эти критические дни выявились подлые трусы, как, например, Г. Как мне передавали, он удрал из города так, что никто об этом не знал. Никому не сдал дела в оборонной секции. И почему он уехал из города? Что у него здесь, дети? Он с ними уехал? Теперь, когда каждый человек здесь нужен, здоровый мужчина, одинокий, удирает! Мне стыдно, что я когда-то был знаком с ним. Ты не представляешь себе, какое чувство презрения и гадливости вызвал его поступок. Он ведь коммунист! А жизнь свою отдать за ту самую власть, которая сделала из него человека? Видно, не надо было делать, а расстрелять еще в годы гражданской войны.

Ты пишешь: «сохрани свою жизнь». Не те слова, дорогая Кларочка, не так сказаны. *Специально* сохранять свою жизнь может только трус, а честный человек, воин, должен быть готов пожертвовать ею, если это необходимо. Это не пустая фраза, а твердо принятое мной решение.

Только сейчас начинаешь отчетливо понимать, что такое Советская власть, что она сделала для нашего народа и человечества. И ради ее идеалов — нет ничего, что бы не дано было человеку свершить.

Родная моя! Как будет со всеми, так будет и со мной. Каждый на своем посту должен исполнить свой долг и сейчас больше, чем когда-либо.

Когда я во время воздушной тревоги стою на пулеметном мостике и

знаю, что вот эти ребята, молодые, здоровые, прекрасные, видящие во мне своего комиссара, по первому моему зову ринутся в бой и будут верить мне и слушаться и стойко стоять, не боясь падающих бомб, — как я могу думать иначе, чем они? Ты не представляешь себе, какое чувство гордости испытывает человек от сознания, что он может победить в себе гадливенькое чувство самосохранения, отрешиться от всего и думать только о том, как бы скрутить голову врагу, уничтожить его, стереть с лица земли.

Такого чувства я не испытывал во время войны с белофиннами, тогда было какое-то успокоение, шапкозакидательство. Теперь не то. Если бы ты видела, какая священная ненависть к немцам горит в глазах бойцов, ты бы поняла многое. Тебе бы не надо было расшифровывать термин «Отечественная война».

В общем, на эту тему много бы можно говорить. Но я знаю одно, что бы там дальше ни случилось, мои дети не будут за меня краснеть.

Мы уже не там, где были. У нас новый адрес. Сообщаю его тебе:

Военно-Морское почтовое отделение 1101, Почтовый ящик 336.

Старшему политруку И. Зельцеру.

Р. С. А вот тебе действительно надо сохранить жизнь и воспитать трех мужественных, крепких бойцов за нашу прекрасную родину.

Целую тебя и деток крепко, крепко

И о г а н н

¹ Обращение «ко всем трудящимся города Ленина», подписанное К. Ворошиловым, А. Ждановым и П. Попковым, было напечатано в «Ленинградской правде» 24 августа 1941 г.

2

31.VIII.41 г. Рейд <Кронштадт>

...Пока я жив, здоров, чувствую себя неплохо. Одно меня мучает, тревожит, не дает покоя—это вы. Как у вас там?<...>

Проклятый фашизм, сколько слез, сколько жертв, сколько могил, сколько обездоленных устилают его путь! Но ничего, отольются волку наши страдания. Ненависть, которая горит в сердцах каждого из нас, испепелит их всех, без остатка, уничтожит их всех до одного, чтоб даже роду и племени после них не осталось! Проклятые! Уже приближается тот день, когда я их увижу близко. Рвать на части буду, горло грызть буду, бить до полного их уничтожения. Пусть и я сам погибну, но даром им моя смерть не пройдет. За тебя, Кларочка, за моих ненаглядных детей, за мою прекрасную родину, за миллионы людей, страдающих от этих коричневых убийц, — буду биться до последнего. И что бы со мной ни случилось, погибну ли я, останусь ли жив, ты, моя жена, и мои дети смогут гордо после нашей победы сказать: мой муж и наш отец участвовал в этой великой битве народов не как посторонний наблюдатель, а как воин, как боец! Он ничего не жалел для победы и отдал за нее всё...

А на тебя, Кларочка, я надеюсь. Не знаю, как тебе придется, но думаю, что ты сумеешь воспитать наших детей. Они должны знать и на всю жизнь усвоить два понятия: верность делу нашей партии, делу социализма и неугасимую ненависть к капитализму. Зная твою любовь ко мне, я надеюсь, что ты эту мою волю, мое завещание выполнишь.

Только ты не волнуйся. Я пишу это на всякий случай. Война есть война, и с каждым из нас может случиться неизбежное. Может быть, потом я не смогу тебе написать, вот почему пишу сейчас.

Ты не узнала бы нашего прекрасного города. Он превратился в город ошетилившихся штыков, в город-крепость. Здесь, под его историческими

стенами, мы дадим жестокий бой фашизму, здесь уготована ему могила. *Погибнем, но не отступим!* Это лозунг всех нас. Так будет.

Я никого не вижу, ни от кого писем не получаю. Живу боевой жизнью, корабельным расписанием. <...>

Целую тебя крепко, крепко, как никогда не целовал, обнимаю тебя и жму твою руку, мой друг, моя жена! Деток моих я целую без конца, прижимаю их к моему сердцу и мысленно всегда с вами.

И о г а н н

3

<12.IX.41. Рейд Кронштадт>

Дорогая Кларочка, дорогие мои детки, мои бесценные и милые!

Не знаю, доходят ли к вам мои письма, знаете ли вы о нашей жизни. Нет, никогда мне не было так отвратно, как теперь. Что эти фашистские изверги делают! Кругом, насколько глаз видит, — пожарища!

Выйдешь ночью на палубу и смотришь, смотришь без конца, как полыхают наши села, деревни, дачные места. Смотришь и запоминаешь. За всё отдадим, за всё они получают сполна, кровью рассчитаются. Уже несколько дней, как мы их долбаем из нашей тяжелой артиллерии. Положение наше серьезное, но мы знаем всю суровую правду и будем биться до конца. Может быть, мне не придется больше вас увидеть, знайте, что дешево свою жизнь не отдам, что буду драться до последнего, пока хоть один палец на руке действует, пока будет теплиться сознание и я смогу действовать. Ух, как я их ненавижу! Ворвались, как разбойники, в нашу страну, обездолили миллионы людей, нарушили счастливую нашу жизнь! Где найти такие гневные слова, какими можно было бы их назвать? Нет, в природе они не существуют. Их нет. Часто задумываюсь над тем, что мало сделал. Мало, не знаю, останусь ли я в памяти нашего поколения, но в твоей памяти, в памяти моих детей я, наверно, останусь. Скажи им, Кларочка, что я их безумно любил, они были моей короной, и передай им, когда вырастут, следующее:

Завещаю им быть преданными нашей Родине, нашей Советской власти, нашей Коммунистической партии. Пусть всю жизнь борются против общества, порождающего войну, против капитализма — очага всех народных бедствий. И тебе завещаю, мой дорогой, верный друг и товарищ, воспитай наших детей так, чтобы ненависть к капитализму была у них в крови всю их жизнь, чтобы она пылала неугасимым огнем! Воспитай их так, чтобы любовь к Родине, к нашим идеям превышала у них все остальное.

Деточки мои маленькие, как я вам еще нужен! Как я хотел бы видеть ваши мордочки, ваши веселенькие глазки, прижать к груди! Придется ли еще когда-нибудь быть нам всем вместе? Хочется, ох как хочется!.. С Миррочкой, моей старшенькой девочкой, побеседовать, побаловаться с Ларисанькой, с Вовулькой!.. Как мы еще с тобой мало прожили, Кларуня! Только, только начали жить!.. <...>

Кларочка! Пошлю тебе на днях все деньги, сколько у меня есть... Тебе они нужнее, тебе надо воспитывать наших детей... Целую тебя крепко, крепко, прижимаю тебя и детей к своей груди и желаю вам, дорогие, хорошей жизни. Помните меня, я вас очень любил.

И о г а н н

Р. S. Военно-морское почтовое отделение 1101. Почтовый ящик 336.

Ст. политрук И. Зельцер

Письма №№ 1 и 2 печатаются по автографам, хранящимся у жены писателя. Письмо № 3, публикуемое В. П. Нечаевым, — по машинописной копии, находящейся в ЦГАЛИ (ф. 631, оп. 16, ед. хр. 620, лл. 1—4).